

Однокашник Чехова

Юр. Соболев

...» ДЕТСТВО будущего человека, великому Дорну, земляку и однокласснику — современнику Петrarки Жорже, — писал Чехов на своем портрете А. Л. Вишневному после премьеры «Чайки» в Художественном театре 14 октября 1898 г.

«Чайка» рождалась в очень тяжелый момент: после успеха «Царя Федора» театр переживал кризис — ни одна из его новых постановок не делала сборов, в кассе едва набиралось сто рублей.

В день генеральной репетиции далеко не были уверены в победе. Над «Чайкой» тяготели воспоминания ее провалов 1896 г. на сцене петербургского Александринского театра.

Только один А. Л. Вишневецкий смело предсказывал успех. Ему не верили. И была такая минута, когда едва не согласились на просьбы сестры Антона Павловича М. П. Чеховой снять постановку, если нет убежденности в успехе: новый провал «Чайки» мог бы стать катастрофой для Чехова, болеющего на своем «Чортовом острове» — в Ялте.

Спектакль принес не только успех, но такой триумф, который, переломив судьбу сезона, предопределил будущее театра.

А. Л. Вишневецкий торжествовал, он оказался пророком! Товарищи читали чеховскую вадильку на портрете, поздравляли, но не понимали, о каких таких «Петрарке» и «Жорже» говорит Чехов.

А. Л. Вишневецкий расшифровал таинственных незнакомец: он, Вишневецкий, земляк Чехова. Оба родились в Таганроге, Вишневецкий — в 1863 г.; Чехов — на три года раньше. Оба учились в таганрогской гимназии. Будущий автор «Чайки» дважды оставался в классах на второй год, Вишневецкий его догнал и обогнал. Их общий товарищ П. А. Сергеев, тот самый, который написал книгу о том, как живет и работает Л. Н. Толстой, вспоминал об этих гимназических временах, восклицал: «Думал ли двоешник и безобидник Чехов, что будет писать такие хорошие пьесы, а двоешник и безобидник Вишневецкий — так хорошо играть!»

Гимназические друзья — Вишневецкий и Чехов — были крепко связаны узами общей привязанности к театру. С замиранием сердца читали они разноцветные афиши, извещающие о представлениях «Парижских нищих». Афиши разносил человек, которого звали Жермен. Итальянец же Петрарка был машинистом таганрогского театра, покровителем юных театралов, которых он устраивал на галерке. На галерку же забирались, когда театральный зал был еще погружен в темноту. Посещение театра не поощрялось гимназическим начальством. Гимназисты переодевались в пиджаки своих отцов и даже украшали свои юные лица привязанными бородами.

Таганрогский театр, в котором, кстати сказать, играли отличные провинциальные труппы — драматические и опереточные — отмечен

в биографиях и Чехова и Вишневецкого. Чехов под воздействием душевраздирающих мелодрам написал почти трагедию — так много в ней было ужасов — «Безотцовщину» и, это станет таким выразительным для будущего автора «Юбилея», смешной водевиль «О чем курица пела». Эти детские опыты до нас не дошли, уничтоженные самим Чеховым. Но в них — зерно драматургии Чехова.

Вишневецкий пьес не писал, но стал играть на сцене. Сперва любительству в таганрогских кружках, потом — в качестве профессионального актера в провинциальных антрепризах.

В 1898 г. открылся Художественный театр, в котором победу одержал бывший таганрогский гимназист, двоешник и безобидник Чехов — автор «Чайки». Великолепным Дорном в «Чайке» стал бывший таганрогский гимназист и такой же двоешник и безобидник, как автор, актер А. Л. Вишневецкий. Так встретились в Художественном театре гимназические друзья, так снова сошлись их судьбы.

А. Л. Вишневецкий пришел в Художественный театр «со стороны»:

А. Л. ВИШНЕВСКИЙ.

только двое — он и Дарский — были провинциальными актерами, вся же труппа Художественного театра сложилась из двух «половинок» — из любителей, игравших с К. С. Станиславским в «Обществе искусства и литературы» и учеников В. И. Немировича-Данченко в Филармонии.

А. Л. Вишневецкий, прежде чем начать играть в чеховских пьесах, переиграл весь тогдашний ходовой репертуар — Шпалтинского, Дьяченко, Вильде. Весной 1893 г. его смотрел в Екатеринославе Вл. И. Немирович-Данченко. На Вишневецкого ему указала Г. Н. Федотова. Немирович «Данченко, не колеблясь, зачислил провинциального актера в труппу нового театра, театра, ко-

торый объявил беспощадную войну рутине и сценической предвзятости.

А. Л. Вишневецкий участвовал в первом же спектакле — Борису Годунов в «Федоре Иоанновиче», и с этого момента вся его творческая жизнь стала неразрывной с судьбами, исканиями, поражениями и победами Художественного театра.

Он сыграл 43 роли. Достаточно указать на такие, как Годунов (он дважды был Годуновым — в трагедии А. К. Толстого и в Пушкинском «Борисе Годунове»), Войничский, Дорн, Кулыгин (все трое в чеховских пьесах), Марк-Антоний в «Юлии Цезаре», Давид Лейзер в андреевской «Анатэме». Образы, созданные в этих ролях Вишневецким, определяют его место как одного из ведущих актеров Художественного театра.

Но вряд ли можно говорить о нем как об актере ярко выраженного трагического темперамента. Вишневецкий мастерски и тонко владеет красками характерности. Его совершеннейшее — создание — чеховские люди и этот наивный, кроткий сердцем, бесплодный романтик Давид Лейзер, мечтавший миллионом осыпавшим все человечество. Каждый получил по копейке, и все вместе взятые побили «благодетеля» камнями. Вишневецкий чрезвычайно сильно и глубоко играл гибель этих лейзеровских иллюзий. Та лиричность, которая звучит в нем, так зарплатное сродни чеховской лирике. Это с особенной отчетливостью сказалось на образе Кулыгина — провинциального учителя в чеховской «Трех сестрах». Образ Кулыгина создавался почти на третнем материале: Кулыгин Чехова возник из воспоминаний об одном из таганрогских гимназических преподавателей.

Он был очень ограниченным, этот Кулыгин, который говорит только всем известные истины и который цитирует «господина директора». Он — «Маленький муж», он скучный, серый человек, но посмотрите, с какой детской улыбкой пробует Кулыгин-Вишневецкий безобидной путкой утешить горько рыдающую Машу. Кулыгин-Вишневецкий — провинциальный чудак — вырастает в человека чуткого сердца.

В своей юбилейный спектакль Вишневецкий играет роль, чрезвычайно выразительную для его дарования — музыканта Фредрика в пьесе Гамсуна «У жизни в лапах». Вишневецкий из-под личины нелепого тузлака показывает трагически-скорбное лицо оскорбленного человека: филистеры и мещане смеялись, когда он играл Чайковского!

В современном репертуаре А. Л. Вишневецкий очень выразительно исполнял Берморо в «Продавцах слезы» и Захарова в «Страхе».

Пятьдесят лет прожиты А. Л. Вишневецким в искусстве. Прожиты ярко, талантливо, очень бодро и очень целеустремленно. Он по заслугам — герой труда, художественного, творческого труда.

Мог ли думать об этом «двоешник и безобидник», таганрогский гимназист, одноклассник Чехова!